

Инсарский Василий Антонович

**Записки Василия Антоновича
Инсарского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Антонович И.**
Записки Василия Антоновича Инсарского / Инсарский Василий Антонович –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 271 с.

ISBN 978-5-519-87104-4

ISBN 978-5-519-87104-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чтобъ ты схоронилъ кости мои, какъ человѣка, стоящаго прежде тебя на очереди идти въ невозвратную дорогу, и какъ отца, оставившаго на бѣломъ свѣтѣ неогнѣннаго сына не только для жизни собственной, но для людей, для общества, для службы государю и отечеству и для того, наконецъ, чтобы твой отецъ-покойникъ и на томъ свѣтѣ могъ говорить: «Тебѣ Бога хвалимъ!» Ужасаюсь мыслить наоборотъ. Это былъ бы невообразимый ударъ для меня... «Лучше, еже-бы не видѣти мнѣ свѣта!» Нынѣ я говорю съ тобой хотя не лично, но какъ съ ангеломъ, и въ этомъ единственное мое утѣшеніе, кромѣ котораго совершенно ничего не имѣю...»

9 сентября 1858 г. «Давай, генералъ, поговоримъ что-нибудь... мнѣ скучно. Живя въ уединеніи, часто думаешь о многомъ добромъ и многомъ недобромъ. Въ жизни каждаго человѣка едва-ли не первое мѣсто занимаютъ дѣти и достоинство ихъ. На дѣтей добрыхъ и посторонніе, по примѣненію къ себѣ, смотрятъ съ пріятнымъ чувствомъ и любятъ ими; но такое примѣненіе далеко не равняется подлинному чувству родителей, которымъ Богъ даровалъ добрыхъ дѣтей. Меня судьба осчастливила» и т. д.

Мать моя была урожденная Муръ. Здѣсь неизбежно представляется вопросъ: какимъ образомъ на почвѣ Пензенской губерніи могли явиться какіе-то Муры? Людей, болѣе, чѣмъ моя простая семья тщеславныхъ и жаждущихъ родоваго значенія, могъ бы заинтересовать другой, не менѣе знаменательный, вопросъ: не отрывокъ ли это знаменитыхъ Муровъ Великобританіи? Но я долженъ откровенно сказать, что моя семья не была поставлена въ такое положеніе, гдѣ могла бы зародиться подобная претензія. Никому изъ членовъ нашей семьи и въ голову не приходили подобные вопросы, а тѣмъ менѣе мысль объ изслѣдованіи ихъ. Между тѣмъ, если бы изслѣдованіе это было предпринято, оно повело бы, быть можетъ, къ результатамъ, не лишенымъ значенія. Семейная хроника гласитъ, что отецъ моей матери былъ истинный и дѣйствительный англичанинъ, но какимъ-то темнымъ и мало извѣстнымъ обстоятельствомъ оставившій свою родину и поступившій въ русскую военную службу. Дослужившись до извѣстнаго чина, онъ былъ назначенъ городничимъ одного изъ уѣдныхъ городовъ Пензен-

ской губерніи, гдѣ и кончилъ свое существованіе, оставивъ нѣсколько сыновей и дочерей, изъ которыхъ одна и была моею матерью. Всѣ они отличались замѣчательнымъ умомъ и на лицахъ своихъ носили ясную печать не русскаго происхожденія.

Двухъ моихъ дядей со стороны матери я очень хорошо зналъ. Одинъ изъ нихъ былъ нескончаемое число лѣтъ любимѣйшимъ исправникомъ Пензенской губерніи и умеръ въ этой должности, сколько ни просилъ у дворянъ спясть съ него трудныя и хлопотливыя обязанности, съ этою должностію связанныя. Красивый, ловкій, любезный, онъ былъ общимъ любимцемъ. Изъ этой общей любви значительная доля приходилась ему за его молодечество. Въ то время, когда онъ дѣйствовалъ, физическая сила, ловкость, удача были еще, особенно въ провинціи, въ большой цѣнѣ, и въ должности исправника были свойствами, не только не лишними, но даже весьма полезными. Изъ множества событій, къ тому времени относящихся, я очень живо помню, какъ мой удалой дядя долженъ былъ одѣваться мужикомъ и лично проводить нѣсколько ночей въ лѣсахъ, чтобъ собственноручно изловить изъ числа разбѣжавшихся крестьянъ какой-нибудь деревни слѣдующаго съ нея рекрута; какъ онъ, тоже лично и собственноручно, поймать, въ овчарныхъ сараяхъ, какого-то разбойника, наводившаго своими злодѣйствами страхъ на деревенскихъ жителей, которые не только не могли сама его задержать, но и не осмѣливались даже помогать полицейскимъ мѣрамъ, къ изловленію его принимавшимся. Владѣя страшною физическою силою, дядя мой вполне олицетворялъ собою идеаль русскаго молодца и дѣйствительно лично совершалъ богатырскіе подвиги.

Другой изъ моихъ дядей былъ незначительнымъ помѣщикомъ Саратовской губерніи. Сколько помню, онъ отличался необычайною страстію къ лошадямъ, которыхъ покупалъ и продавалъ цѣлыми табунами. Страсть эта именно и разорила его состояніе...

Третьяго изъ моихъ дядей я вовсе не зналъ, хотя судьба его запечатлѣлась наиболѣе замѣчательными событіями. Съ раннихъ лѣтъ отданный въ морской кадетскій корпусъ, онъ впоследствии участвовалъ въ извѣстной японской экспедиціи. Обстоятельства, неудачи и конецъ этой экспедиціи подробно изложены въ сочине-

ніи Головинина. Имя Мура выдвинуто тамъ весьма рельефнымъ образомъ. По свидѣтельству этого сочиненія, Муръ, умный, образованный, красивый, однимъ словомъ, блестящій во всѣхъ отношеніяхъ, во время плѣна у японцевъ, сталъ дѣйствовать отдѣльно отъ товарищей и какъ будто во вредъ имъ; потомъ сошелъ съ ума и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Хотя несовсѣмъ ясно и опредѣлительно, Головининъ приходитъ, однако, къ такому выводу, что сумасшествіе и самоубійство Мура были какъ будто послѣдствіемъ раскаянія его въ его поступкахъ противъ товарищей. Выводъ совершенно ошибочный! Не сумасшествіе было слѣдствіемъ поступковъ Мура, а поступки его были слѣдствіемъ сумасшествія ¹⁾!

Кто внимательно прослѣдитъ всѣ рассказы о Мурѣ, приведенные въ этомъ сочиненіи, тотъ не можетъ не согласиться съ этимъ. Я же утверждаю этотъ фактъ самымъ положительнымъ образомъ, на томъ основаніи, что въ дѣтствѣ моемъ самъ видѣлъ удивительное явленіе: видѣлъ, какъ два родные брата его, вышереченные мои дяди, сходили съ ума и потомъ выздоравливали! И замѣчательно, что во время этого съумасшествія они точно такъ же, какъ и погибшій ихъ братъ, страдальчески взводили на себя какія-то преступленія и, обливаясь слезами, умоляли всѣхъ не приближаться къ нимъ, какъ къ прокаженнымъ, и постоянно искали случая къ самоубійству. Нѣтъ сомнѣнія, что и братъ ихъ, при лучшемъ надзорѣ, не только не погибъ бы, но и выздоровѣлъ, какъ они, и судя по его качествамъ, описаннымъ Головиннымъ, былъ бы полезнымъ слугою государю и отечеству.

Обращаясь къ воспоминаніямъ моего дѣтства, я долженъ сказать, что воспитаніе мое не имѣло ни системы, ни полноты. Сначала меня учили разные богословы и философы изъ мѣстной семинаріи, какъ преподаватели самые дешевые. Этотъ экономическій способъ образованія дѣтей былъ самый употребительный во всѣхъ семействахъ того разряда, къ которому принадлежало и мое. Степень успѣха этого домашняго образованія трудно опредѣлить; но результатомъ было то, что меня отдали въ мѣстную гимназію. Къ

¹⁾ Точно также Головининъ неправильно утверждаетъ, что отецъ Мура былъ иѣмецъ. Самое слово „Муръ“ противорѣчитъ тому.

сожалѣнію, и гимназическій курсъ былъ прерванъ вслѣдствіе честолюбивыхъ и несовѣтъ вѣрно направленныхъ стремленій моего отца.

Въ числѣ различныхъ отступленій отъ закона, существовавшихъ въ то время, было и такое, что мальчика, едва принявшагося за грамоту, старались уже зачислить въ службу. Мой отецъ, въ этомъ отношеніи, безспорно, былъ счастливѣе другихъ. Едва-ли не въ одно время съ порученіемъ меня первымъ изъ моихъ домашнихъ учителей, онъ успѣлъ опредѣлить меня въ мѣстный Уѣздный Судъ, когда мнѣ было только восемь лѣтъ. Такимъ образомъ ученіе шло своимъ чередомъ, а учетъ службы своимъ. Въ 12 лѣтъ, когда едва-ли я умѣлъ писать правильно, я былъ уже произведенъ въ офицеры. Весьма живо помню это замѣчательное событіе. Отецъ мой, подъ вліяніемъ тѣхъ же честолюбивыхъ и невѣрно направленныхъ стремленій, соорудилъ мнѣ форменное платье, и я, облеченный въ маленькій мундиръ, съ маленькой шпаженкой, дивилъ своей фигурой гражданъ роднаго города. Затѣмъ, во время нахожденія моего въ мѣстной гимназій, я уже состоялъ, кажется, въ чинѣ губернскаго секретаря, и это обстоятельство значительно путало мысли сколько учебнаго начальства, столько и моего отца, который желалъ это быстрое преуспѣяніе мое въ гражданскихъ чинахъ употребить съ выщею пользою.

Въ Пензенской губерніи въ то время были значительныя имѣнія сенатора Дубенскаго, который управлялъ департаментомъ государственныхъ имуществъ, входившимъ тогда въ составъ министерства финансовъ. Для обозрѣнія этихъ имѣній нерѣдко пріѣзжали въ Пензу сыновья Дубенскаго и другія, довѣренныя отъ него лица. Лица эти, по дѣламъ имѣнія, имѣли какія-то отношенія къ моему отцу. На этихъ данныхъ отецъ мой и основалъ планъ моей будущности. Осуществленіе этого плана онъ началъ съ того, что рѣшился просить старшаго изъ сыновей Дубенскаго, Порфирія, о содѣйствіи къ опредѣленію меня въ департаментъ. Старикъ Дубенскій изъявилъ согласіе, и мое отправленіе въ Петербургъ было рѣшено. Событіе это, какъ и предвѣщало родительское сердце моего отца, имѣло громадное вліяніе на всю мою жизнь.

Путешествіе мое изъ Пензы въ Петербургъ было длинно и скучно. Устраняя изображеніе тѣхъ разнородныхъ впечатлѣній, какія на провинціальнаго мальчика производило это путешествіе, я не могу не упомянуть о впечатлѣніи, испытанномъ мною при первомъ соприкосновеніи моемъ съ литературнымъ міромъ. Соприкосновеніе это произошло слѣдующимъ образомъ.

Покойный отецъ мой имѣлъ какія-то дѣловыя сношенія съ Селивановскимъ, содержателемъ извѣстной типографіи въ Москвѣ. Селивановскій, очень хорошо помню, высылалъ намъ множество книгъ, которыя, такъ сказать, поглощались мною вслѣдствіе какого-то неудержимаго стремленія, одолевавшаго меня съ раннихъ лѣтъ, читать всевозможныя книги. Такимъ образомъ въ планъ моего путешествія было опредѣлено, что, по прибытіи въ Москву, я долженъ остановиться у Селивановскаго.

Старика Селивановскаго, о которомъ часто упоминалъ мой отецъ, я съ которымъ онъ преимущественно велъ дѣла, я уже не засталъ въ живыхъ, когда пріѣхалъ въ Москву. Хозяиномъ типографіи былъ сынъ его, кажется Николай, весьма образованный и милѣйшій господинъ, только-что женившійся на красавицѣ итальянскаго происхожденія. Много лѣтъ прошло съ того времени, но я и теперь съ благодарностью вспоминаю тѣ любезныя попеченія, которыми этотъ Селивановскій окружилъ молодого провинціальнаго дикаря. Онъ ежедневно таскалъ меня по всевозможнымъ клубамъ и театрамъ, и тутъ впервые я узрѣлъ знаменитыхъ Щепкина, Живокина и др., слава которыхъ разносилась по всей Россіи.

У Селивановскаго были, между прочимъ, литературныя вечера, и на этихъ-то вечерахъ судьба такъ рано сподобила меня взглянуть на сіявшія тогда величайшимъ блескомъ свѣтила нашей литературы. Въ то время литературныя личности окружались какимъ-то благоговѣніемъ... Тотъ, кто пишетъ книги, казался существомъ, несравненно превосходящимъ простаго смертнаго, и съ личностью его непременно связывались какія нибудь поэтическія легенды. Только реальное направленіе послѣдняго времени разнѣчало этихъ господъ и показало, что пишущая и печатающая свои писанія братія—тѣ же смертные, да еще далеко не перваго сорта. Но тогда

было иначе. Тогда видѣть лично какого-нибудь автора казалось счастьемъ, трудно и рѣдко достигаемымъ.

Всѣхъ литераторовъ, бывшихъ на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ Селивановскаго, гдѣ и я присутствовалъ, я уже не помню. Помню только, что болѣе всѣхъ поразила меня личность Вельтмана. Въ числѣ другихъ книгъ, предъ моимъ отъѣздомъ съ родины посланныхъ отцу моему Селивановскимъ, былъ и «Странникъ» Вельтмана. Въ книгѣ этой били, такъ сказать, ключемъ веселость и остроуміе. Вся семья моя читала съ наслажденіемъ игривыя страницы этой книги, подхваливала и вмѣстѣ со мной выражала полнѣйшее убѣжденіе, что авторъ долженъ быть такой весельчакъ, какого свѣтъ не производилъ. Какъ я удивился, когда Селивановскій, въ числѣ своихъ гостей, показать мнѣ задумчиваго, рѣдко и медленно говорящаго господина съ высокимъ лбомъ и вообще съ отбѣнками какой-то сумрачности, и сказалъ, что это авторъ веселаго «Странника», Вельтманъ.

Весьма живо помню также, что въ одной комнатѣ, передъ каминомъ, совершенно отдѣльно отъ другихъ, сидѣлъ молодой еще, но весьма невзрачный, господинъ, съ длиннымъ сѣрымъ и некрасивымъ лицомъ, съ длинными же плоскими волосами и какъ-то мрачно сопѣлъ. Во всей его фигурѣ было что-то непріятное и отталкивающее. Указывая на него, Селивановскій сказалъ: «это Бѣлинскій! Онъ прославился тѣмъ, что за отсутствіемъ Надеждина заграницу, издавая «Телескопъ», успѣлъ уже со всѣми переругаться!»

Повидимому, извѣстность Бѣлинскаго тогда только-что начиналась. Но онъ скоро пошелъ въ гору. Помню, что переходъ его, впоследствии, изъ Москвы въ Петербургъ, по приглашенію Краевскаго, въ рабочіе «Отечественныхъ Записокъ» производилъ въ свое время значительный шумъ въ литературныхъ и нелитературныхъ кругахъ Петербурга. Едва-ли нужно говорить, что именно въ этотъ періодъ онъ поднялъ своими трудами «Отечественныя Записки» и свою собственную славу. Въ этотъ же періодъ мнѣ доводилось нерѣдко видѣть Бѣлинскаго въ собственной моей квартирѣ и вотъ по какому случаю.

Когда, съ помощью всегда благосклонной ко мнѣ судьбы, я укрѣ-

нился я, такъ сказать, оперился въ Петербургѣ, я считалъ долгомъ подавать, въ свою очередь, руку помощи своимъ землякамъ, являвшимся туда за счастьемъ. Однимъ изъ такихъ искателей былъ нѣкто Исаевъ, молодой человекъ, весьма даровитый, но весьма болѣзненный и потому скоро погибшій безъ всякихъ слѣдовъ. Исаевъ былъ бѣдный пензякъ, и этого было достаточно, чтобъ я пріютилъ его у себя. Оказалось, что Исаевъ былъ близкимъ родственникомъ Бѣлинскому, тоже пензяку. Исаевъ часто ѣздилъ къ Бѣлинскому, куда-то на Петербургскую сторону, гдѣ онъ жилъ, а Бѣлинскій перѣдко посѣщалъ Исаева. Двѣ-три комнаты, которыя я занималъ, разумѣется, не имѣли никакого раздѣленія, и потому посѣтители Исаева необходимо были и моимъ посѣтителями.

Съ тою же сѣрою непривлекательною наружностью, на которой выступали уже признаки какихъ-то недуговъ—Бѣлинскій большею частью ложился на диванъ, закрывалъ глаза, сопѣлъ или читалъ стихи выступавшаго тогда на сцену Лермонтова... Помню, что разъ прочитавъ известное его стихотвореніе «въ минуту жизни трудную», Бѣлинскій прибавилъ: «что-за прелесть! а онъ (Лермонтовъ) еще спрашиваетъ: годится ли?» (для печати, вѣроятно). Нѣтъ нужды говорить, что и потомъ, послѣ безвременной смерти Исаева, мы встрѣчались съ Бѣлинскимъ, какъ знакомые...

ГЛАВА II.

Департаментъ стараго времени.—Первыя мои впечатлѣнія.—Сенаторъ Дубенскій, типъ начальника прежняго времени.—Мои работы и успѣхи.—Радость при полученіи штатнаго мѣста. — Первая награда. — Поѣздка на родину.—Возведеніе меня въ столоначальники и шутка по этому случаю Дубенскаго.—Мое знакомство съ Лермонтовымъ.—Разрушеніе департамента государственныхъ имуществъ и паденіе Дубенскаго.—Переворотъ въ моей служебной карьерѣ.

Мнѣ было около 18 лѣтъ, когда я прибылъ въ Петербургъ и поступилъ въ составъ департамента государственныхъ имуществъ, помѣщавшагося тогда въ зданіи главнаго штаба. Это было въ концѣ 1832 года. Описывать первыя впечатлѣнія мои при вступленіи въ столицу я также не стану. Многіе сами испытали эти впечатлѣнія; остальные же не разъ имѣли случай и возможность читать изображеніе этихъ впечатлѣній въ многоразличныхъ произведеніяхъ на-

шей литературы. Кромѣ того, я не имѣю рѣшительно никакой претензіи придать моимъ рассказамъ какое-либо литературное достоинство. Единственная моя претензія заключается въ томъ, чтобы вѣрно и просто передать то, что на мои глаза было замѣчательнаго въ моей жизни. Замѣчательнымъ я считаю то, что когда я вступилъ въ широкія и высокія палаты департамента, наполненныя петербургскими чиновниками, мною овладѣло чувство великаго счастья. Надо было замѣтить, что въ мой родной городъ пріѣзжали иногда чиновники изъ Петербурга, и, разумѣется, дѣлались предметомъ изумленія и изученія всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ. Такъ, я помню, пріѣзжали туда сенаторъ Горголи съ толпою чиновниковъ для ревизіи. Боже милосердый! Сколько было толковъ и разсужденій относительно фасоновъ платья, которыя они вывезли изъ столицы, ихъ причесокъ, ихъ манеръ. Это были идеалы чистѣйшаго совершенства, которымъ, во что бы то ни стало, всѣ старались подражать. Понятно, что я не могъ не вырасти въ собственныхъ глазахъ, становясь самъ петербургскимъ чиновникомъ и тотчасъ задумывая, въ свою очередь, самъ задать шпiku брошеннымъ провинціальнымъ моимъ товарищамъ. Что ни говори, а стремленіе отличиться, чѣмъ бы то ни было предъ другими, стать какъ-нибудь повыше своего ближняго, такъ присуще человѣчеству, что едва-ли кто-нибудь не испытываетъ его подъ тою или другою формою. Это стремленіе, направленное на первый разъ исключительно на среду, которую я оставилъ въ Пензѣ, не ограничивалось одною виѣшнею стороною. Я испытывалъ великое наслажденіе, занимаясь въ высокіхъ, свѣтлыхъ, чистыхъ комнатахъ, въ которыя я входилъ, какъ свой человѣкъ, среди серьезныхъ, благоприличныхъ, увѣшанныхъ крестами чиновниковъ, тогда какъ мои прежніе товарищи служили или должны были служить въ грязныхъ комнатахъ и съ грязноватыми товарищами мѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Припоминая, однакожъ, первыя мои впечатлѣнія петербургской жизни и службы, я долженъ сказать, что надъ всѣми этими тщеславными ощущеніями рѣшительно и могущественно господствовала надежда, своими успѣхами, рано или поздно, возвеселить сердце родительское. Безъ преувеличенія, со всею искренностію,

утверждаю, что эта надежда была главнымъ и сильнѣйшимъ двигателемъ моимъ въ новой средѣ.

Весьма понятно, что мальчикъ, менѣе, чѣмъ полуобразованный, безъ всякихъ связей и знакомствъ, безъ покровительства, я и не могъ ничего другаго ожидать, какъ зачисленія меня въ многочисленную касту департаментскихъ писцовъ. Жалованія мнѣ было назначено 300 р. ассигнаціями. Здѣсь кстати замѣтить, что Дубенскій, управлявшій департаментомъ, имѣлъ свою особую систему распредѣленія жалованья чиновникамъ. Ни писцамъ, ни штатнымъ чиновникамъ онъ никогда не давалъ сразу всего жалованья, слѣдующаго по штату, а назначая сначала сколько можно меньшую сумму, потомъ, постепенно и въ нѣсколько прѣмовъ, увеличивалъ ее и такимъ образомъ въ годъ или два только доводилъ ее до окладнаго размѣра. Этимъ способомъ онъ достигалъ двухъ цѣлей: образованія значительныхъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ, изъ которыхъ, по большимъ торжественнымъ днямъ, онъ давалъ награды наиболѣе достойнымъ и отличившимся чиновникамъ, и въ то же время самаго дѣйствительнаго способа поощренія, ибо какой бы ни былъ чиновникъ, трудолюбивый или не трудолюбивый, для него равно было необходимо стремиться къ достиженію полнаго оклада. Еще болѣе понятно, что мое жалованье составляло ничтожную часть той суммы, какая требовалась на мое содержаніе, и отцу моему, несмотря на ограниченныя его средства, приходилось дѣлать значительныя дополненія, хотя, подъ вліяніемъ того же сильнаго стремленія доставлять моей семьѣ всевозможныя радости своей службою и своимъ поведеніемъ, я старался быть экономнымъ до крайней степени, и требованія мои денежныхъ пособій основаны были на самой неотвратимой необходимости.

Департаментъ всецѣло привязалъ меня къ себѣ. Я съ наслажденіемъ ожидалъ времени отправки туда и приходилъ едва-ли не ранѣе всѣхъ, оставаясь тамъ такъ долго, какъ только можно. Этому способствовало и то обстоятельство, что Дубенскій, прѣзжая и уѣзжая изъ департамента, проходилъ мимо того стола, за которымъ я сидѣлъ, и иногда молчаливо заглядывалъ въ лежащія предо мною бумаги. Первымъ моимъ начальникомъ былъ правитель кан-

целярні департамента Шелеховъ, бывшій впоследствии, по образованіи министерства государственныхъ имуществъ, директоромъ втораго департамента этого министерства. Шелеховъ былъ челоуѣкъ дѣловой, но съ застарѣлыми пріемами и топорной, такъ сказать, формы. Репутація его была весьма сомнительна. Завѣдуя дѣлами о замѣщеніи должностей, о наградахъ и тому подобное и пользуясь довѣріемъ Дубенскаго, онъ имѣлъ большое значеніе въ вѣдомствѣ и, какъ говорили, порядкомъ нагрѣвалъ себѣ руки. Поведеніе его тоже не было безукоризненно потому, во-первыхъ, что онъ имѣлъ связь съ какою-то, отбитою имъ у мужа, женою матроса, сдѣлавшеюся впоследствии его женою, а во-вторыхъ, потому, что любилъ разные питія, такъ что люди съ тонкимъ обоняніемъ постоянно замѣчали у него запахъ извѣстнаго рода. Впрочемъ, по отношенію ко мнѣ, онъ былъ вполне добрый начальникъ и, вѣроятно, во вниманіе къ моей молодости, любилъ приласкать меня. Часто проходя мимо, осыпанный Владиміромъ, котораго никто не умѣлъ носить такъ блестяще и эффектно, какъ онъ, бывало остановится, посмотреть на мою работу и, потрепавъ меня по плечу, скажетъ: «хорошо, трудись!»

Каллиграфическое искусство страшно поглотило меня. Я старался подражать всѣмъ извѣстнымъ въ этомъ отношеніи мастерамъ и достигъ весьма удовлетворительныхъ результатовъ, что и было причиною, что меня скоро засадили въ какую-то отдѣльную комиссію, занимавшуюся составленіемъ обширнаго труда, подъ названіемъ «Статистическаго обозрѣнія государственныхъ имуществъ», съ планами и другими многообразными и затѣйливыми приложеніями. Въ этой комиссіи я такъ усердно занимался, что у меня кровь стала показываться горломъ; но въ то же время начала у меня образовываться репутація хорошаго и усерднаго чиновника. Заправлялъ этимъ дѣломъ начальникъ чертежной Вестерриксъ, не блестящій нѣмецъ, но хорошій специалистъ по своему дѣлу, подъ главнымъ, впрочемъ, наблюденіемъ другаго нѣмца, вице-директора департамента Энегольма, бывшаго впоследствии членомъ комиссіи прошеній и отличавшагося не столько дѣловитостію, сколько любовью къ прекрасному полу и разными разсказами по этой части.